

Аджимуратова З.Н.

ЗВУКОИЗОБРАЗИТЕЛЬНОСТЬ В НЕКОТОРЫХ НАЗВАНИЯХ ПТИЦ И ЖИВОТНЫХ В КРЫМСКОТАТАРСКОМ ЯЗЫКЕ

Теория звукоподражания идет от одного из распространенных и влиятельных направлений древнегреческой философии – стоицизма. Она получила поддержку и развитие в XIX веке. Суть этой теории заключается в том, что слова возникли из стремления человека к подражанию звукам окружающего его мира – шуму ветра, крику птиц, реву зверей и т.д. [16].

В XVIII в. звукоподражательную теорию поддержал знаменитый немецкий ученый В.Лейбниц (1646-1716). Он считал, что образование слов - результат соединения нескольких факторов: звучания окружающих вещей, предметов и явлений; психических и душевных впечатлений от вещей и их звучания; подражания звучанию. По Лейбницу, есть звуки сильные и шумные, мягкие и тихие, вызывающие соответствующие представления. Представление как бы формирует для себя звуковую оболочку слова [11].

Первичное закрепление значения слова, или первичное наименование, основанное на формировании обобщенного образа, проходит через конкретные этапы чувственного познания, при котором важную роль играют органы чувств. Определенные закономерности зрительного и осязательного восприятия могут мотивировать систему наименований предметов, встречающихся в человеческой практике в связи с этими видами ощущений.

Общим моментом номинации (обращение фактов внеязыковой действительности в единицы языка) при фонетической, морфологической и семантической мотивированности, по мнению Воронина С.В., является выбор денотативного признака. Причём, если последние два типа мотивированности связаны с обозначенным в языке признаком, то фонетическая проявляется в соотношении акустических и / или артикуляторных характеристик звукового облика этимона с сенсорно-эмоциональными характеристиками денотата [5, с. 22, 45].

Данное положение четко прослеживается и в тюркских орнитонимах, зоотонимах, этимологизированные которых помимо приёмов лингвистического анализа иногда требует привлечения наблюдений биологов, географов, историков и других учёных.

Исследованием названий животных и птиц в тюркских языках занимались А.М.Щербак («Названия домашних и диких животных в тюркских языках»), Д.Х.Базарова («К этимологии некоторых древнетюркских названий птиц»), Д.С.Сетаров («Тюркизмы в русских названиях птиц»), М.М.Гинатулин («Мотивация некоторых тюркских названий птиц»), К.Ибрагимов («Некоторые древнетюркские названия диких животных в современных тюркских языках»), Л.П.Петров («К этимологии чувашских орнитонимов»), К.Ш.Хусаинов («Звукоизобразительность в казахском языке») и др. Лишь в работах М.М.Гинатулина и Д.Х.Базаровой тюркские орнитонимы исследованы с позиций, близких к фоносемантическим.

В работах К.М.Мусаева выборочно подвергнуты всестороннему анализу названия ряда домашних и диких животных: овцы, коровы, свиньи, лошади, кошки, мула, кролика, зайца и тигра. В результате исследования автором выявлены ареалы распространения названий некоторых животных в тюркских языках и определены группы близкородственных языков [13, с. 92].

В крымскотатарском языке исследованием названий растений, животных, птиц, насекомых, рыб, земноводных занимался проф. Меметов А.М. В книге «Лексикология крымскотатарского языка» он классифицировал животных по отрядам и семействам, выявил специфические особенности наименований животных, определил общие названия животных для крымскотатарского и других тюркских языков, которые относятся к огузской, огузо-кыпчакской и карлукской группам. «В основе многих тюркских названий птиц лежит звукоизобразительность, т.е. передача характерной для той или иной птицы крика, пения или же звука, воспроизводимого ею при добыче пищи, например, к.тат. *ку-ку кьушу*, азерб. *гузу гушу*, башк. *кӘКУК*, каз., к.балк. *зугук// кукук*, кирг. *КУКУК*, кум. *коькек*, тур *ququk*, узб. *какку к, уш// какку* – кукушка, к.тат. *уд-уд кьушу*, азерб. *hon-hon*, каз. *УДУД*, кирг. *УНУП*, ног. *поьпен*, тур. *hüthüt*, узб. *худ-худ (к,уш)* – удод, к.тат. *такь-такь кьуш*, каз., к.калп. *тоқылдақь*, кирг. *тоньқулдақь*, ног. *токылдак кус* – дятел, башк. *быттылдык* – перепёлка, тур. *civciv* – цыплёнок ит.п.» [12, с. 69].

Рассмотрим некоторые крымскотатарские орнитонимы и зоотонимы, имеющие звукоподражательное или звукоименное происхождение.

Кукуккьуш (кукушка). То, что название кукушки является подражанием её характерному крику, не встречающемуся у других птиц, отмечается многими исследователями [1]. Ср.: казах. *кокек*, тур. *kuku, ki uk*, узб. *какку*, тат. *кўке, куку*, башк. *кокук*, шор. *кОк*, балк. *зугук*, ног. *коькек*, венг. *kakuk*, морд. *kiki*, мар. *куку*, рус. *кукушка*, нем. *kuckuck*, перс. *kiki*, англ. *cuckoo*, фр. *coucou*, монг. *кокиде*, эст. *kõko*, маньчж. *ке-кике*... Для морфологической структуры орнитонима характерна редупликация подражательной формы. В фонетическом плане наблюдается конкретное соответствие звуковому строю представленных языков, в этом случае типичным для родственных и неродственных языков является наличие в составе орнитонима глухого среднеязычного *к* и одного из губных гласных.

Пугь (филин). Ср.: каз. *уки*, узб. *укки*, кирг. *ЎкЎ*, к.-калп. *Ўки*, уйг. *Ўкә*, алт. *ЎкҮ*, тув., хак. *ҮкҮ*, чув. *ЎкҮ*, тат. *ЎкО*, др.тюрк. *uqi/ ūki*, эст. *uhui*, картв. *буи*, груз. *bu(w)*, исп. *buho*, итал. *gufo*, араб. *buhme*.

В.Г.Егоров рассматривает чувашское *ухе* (филин) как звукоподражательное [8, с. 282]. Этого же мнения относительно происхождения данного орнитонима в тюркских языках придерживается Д.Х.Базарова, которая обнаруживает его типологическое сходство с аналогичными названиями в других языках [2, с. 20]. Исследователь чувашских орнитонимов Л.П.Петров также относит рассматриваемый орнитоним к общетюркским, образованным в результате звукоподражания [14, с. 71].

Къаргъа (ворона). Ср.: каз. *карга*, тур., тат., кирг. *qarya*, уйг. *qarya, qaryu, qaya*, к.-калп. *yarya*, кумык. *къаргъа*, рус. *каркать*, нан. *гăки, гăк-гăк* – каркать, укр. *кракун*, болг. *кроконъ*, англ. *crow*, швед. *kraka*. Указанные примеры подтверждают звукоподражательное происхождение названия вороны.

Кеклик (куропатка серая). Ср.: каз. *кеклик* (каменная куропатка, кеклик), кирг. *кекилик* (горная куропатка), *кекилик-кекилик* – звукоподражание пению, крику куропатки, туркм. *кәкеле* (*кәкеле* – кудахтать), узб. *каклик* (*какилла* – петь (о кекликах, куропатках)). Сохранение корневой морфемы в глагольном и именном образованиях здесь объясняется фонетической мотивированностью орнитонима: крик птицы служит как бы самоназванием.

Лейлек (аист). Ср.: каз. *лейлек*, тат. *ләкләк*, узб. *лайлак*, кирг. *леклек*, туркм. *легле*, тур., азерб. *ләйләк*. По Ряснену, данное слово заимствовано из арабского [20, с. 316]. Звукоподражательное происхождение слова отмечает и Д.С.Сетаров [15, с. 74]. Исследования о происхождении орнитонима подытожил Л.П.Петров: «... источником чувашского орнитонима *леклек* является арабский язык. Оттуда слово *леклек* получило распространение и в других тюркских языках. В узколокализованные говоры он проник, по видимому, через татарский язык. Чужеродность (арабское происхождение) рассматриваемого термина доказывается, во-первых, тем, что инициальный согласный «л» не встречается в собственно-тюркских словах, во-вторых, тем, что в большинстве случаев араб. *а* ≈ чув. *е* (э). Кроме тюркских, этот орнитоним распространён в славянских языках: укр. *лелека*, болг., сер.-хорв. *лелек* и т.д. исследователи относят к тюркским заимствованиям через русский язык» [14, с. 61].

Тавукъ (курица). Ср.: др.тюрк. *taquū, taquq*, каз. *тауык*, башк. *тауа*, чув. *Ѓăх*, монг. *taxia*, бурят. *taxja*, калм. *тага*, кор. *таг*, кирг. *тооқ*, узб. *товуқ*, башк. диал. *taxan*, хак. *tanax*. М.М.Гинатулин считает, что данное слово на звукоподражательной основе сопоставимо с тат. *qytaqlau* (*кудахтать*) [6]. Необходимо выделить корень по аналогии с *тав* < *такъ*. Следовательно, оно разложимо на *таq-уq*, где *уq* – название признака, результата, средства, носителя процесса, действия, а *таq* – подражание резкому отрывистому стуку (такъылдав, такъ-такъ этмек – стучать резко, отрывисто).

Ирильчик (чибис). Ср.: каз. *кызыгыш*, узб. *qizyč*, кирг. *quzuč*. В словаре К.К.Юдахина отмечается общность значения слов: *quzuč, узуу, узууč*. М.М.Гинатулин пришёл к выводу, что данные названия имеют звукоподражательную природу, т.е. название птицы отражает назойливое, гнусавое и жалобное *чьи-вы* [6, с. 41]. Мы поддерживаем данное мнение М.М.Гинатулина.

Турна (журавль). Ср.: каз., к.-калп. *тырна*, кирг., узб., уйг., кумык., ног., карач., тур., ойр., хак. *турна*, тат., башк. *торна*, аз., туркм. *дурна*; тат., башк. *торна*; к.-калп. *тырна*; тув. *дурьяа*; як. *туруйя*; монг. *то-горуу*; бур. *тохочуу*; тунг. *карау*; эвенк. *карал*; чеш. *žeráv*; рус. *журавль*; англ. *crane*; швед. *trana*; санскр. *karāyikā*; сир. *kurkəjo*; фин. *kurke*; кам. *kuro*; кор. *turum*; яп. *turū*; «Во всех приведённых наименованиях журавля, - пишет М.М.Гинатулин, - очевидна относительная устойчивость сочетания *tr/kr*, объясняющаяся отражением в них трубного курлыкающего крика журавля *kr-rooh* или *kr-r-r*» [6, с. 42].

В.Г.Егоров, исследовав этимологию чувашского орнитонима *тёрна*, приходит к выводу о его звукоподражательном происхождении [8, с. 239].

Д.Х.Базарова, разделяя мнение В.Г.Егорова, в качестве обоснования приводит наблюдения специалистов-орнитологов, согласно которым помимо трубного курлыканья журавли вблизи друг от друга издают более тихие звуки – *тюрр-тюрр* [2, с.18, 19]. Следовательно, возведение орнитонима к звукоподражательному слову основано, с одной стороны, на лингвистических фактах (выделение корня *tur-/tyr-* в тюркских языках относительно устойчивого сочетания согласных *tr/kr* в разносистемных языках), с другой – на экстралингвистических (относительное соответствие звукового комплекса в названии характерному крику журавля). По Рамстедту, калм. *turug* название какой-то птицы < *turug* худой, длинный и тощий < др.-тюрк. *turuq* слабый, утомлённый и тощий > др.-тюрк. *turuna* – журавль, общ.-тюрк. *turna* – журавль [19, с. 411]. По Севортяну, старейшей формой является др.-уйг. *turujaja*, из которой закономерно развиваются остальные формы: > *туруйя/ дуруйя, туруна/ турна: туруйя/ дуруйя: туруйя/ >turn'a; n'a* является рефлексом – *jaja*, как и – *ja*. Весьма вероятно, что исходная форма *turujaja* представляет собой стяжение, в котором участвует элемент *тур-* стоять (имея в виду характерную для журавля и аиста позу). Развитие общетюркской формы можно представить и следующим образом: *tura+un+aya > turaunya > turuana > turna*.

Приведённые этимологии различных авторов опираются на фонетико – морфологический анализ корневой и аффиксальной морфем и определение мотивирующего признака – звука, внешнего вида, формы. Можно предположить, что звуковое и семантическое сходство указанных слов объясняется либо генетической общностью в рамках ностратической макросемьи, либо типологическим соответствием звукоизобразительных по происхождению форм.

Чагъала (чайка). В основе наименования лежат звуки, издаваемые птицей, которые по описаниям орнитологов представляют собой хохочущее *ха-га-га* (в полёте), звонкое *йах-йах-йах* или горловое *кьяуу* (в воздухе при тревоге). Ср.: др.-тюрк. изобразительные *čaq* отрывистый звук, *čaq-čiq* (отрывистые звуки), *čau- čau* (шум, суматоха); казах. *шаҒала*; каз. *sak*, подр. звукам при ударе, кипении воды, громкому раскалистому смеху; кирг. *шак* подр. резкому и отрывистому звуку, щёлканью, шлёпанью, *чак* то же, что *шак*; туркм. *Жаг-Жаг* подр. громкому разговору, *жагак-Жагак* подр. крикам фазана; узб. *чаҒирла-* стрекотать, щебетать, кричать (о птицах), *чаҒир-чуҒур* подр. стрекотанию, щебету, громкому разговору, шуму, гаму, гвалту; *чаҒ- чаҒ* подр. крику галки; як. *чаҒырҒаа-* кричать *чак-чак* (о горностае).

Такътакъкъуш (дятел). Корневая морфема орнитонима имеет значение отрывистого приглушённого стука, характерного для стука клювом по дереву. Звукоизобразительный эффект приглушённости передаётся за счёт глухих согласных *т, къ*. *Такъылдамакъ* – издавать резкий, отрывистый, приглушённый звук. Ср: кирг. *тоңкулдак/ доңкулдак* (дятел), казах. *тоқылдақ* узб. *туқ*, тув. *дог*, хак. *тох*, туркм. *тоқ*, в др.-тюрк. *ток*.

Къарылгъач (ласточка). При сопоставлении моделей звукоизобразительных основ, от которых образованы некоторые орнитонимы тюркских языков, обнаруживаются отдельные параллели как в одном, так

и нескольких тюркских языках. Так, широко распространённое в тюркских языках название птицы ласточка в туркм. имеет форму *гарлавач*, где *гарла* – основа, *вач* – аффикс, при этом *гар/кар* встречается в составе ряда других названий птиц и звукоизобразительных слов. Ср.: туркм. *гарга* (ворона), казах. *Қарлығаиш*; каз. *ҚарҒ*, *Қарқара* (цапля) и т.п. По мнению М.Худайкулиева, производные существительные, образованные с помощью суффикса – *вач*, указывают на название орудий действия, птиц и др. [17, с. 83]. Д.Х.Базарова дополняет его примерами из других тюркских языков: к.-калп. *Ғар* – *Ғар* подр. кряканью уток, *Ғақылдау* – крякать; тат. *кор-кор* подр. клетоту, курлыканию; узб. *қарилла* – каркать; чув. *кур-ак* (грач) [3, с. 49].

Бакъа (лягушка). Ср.: в кирг. *бака*, *бак-бак эт-/ бакылда-/ бакыр-* (горланить, орать, реветь); казах. *бақа*; туркм. *баҒыр-* (жалобно плакать, громко кричать). С помощью данного слова в крымскотатарском языке образованы *къаплыбакъа* (черепаха: *къаплы* (покрытая)+ *бакъа*), *къурбакъа* (жаба). *Бакъылдамакъ* – квакать. Ср. в туркм. *гур-гур* подр. продолжительному кваканью, *гуррук-гуррук* подражание многократному отрывистому кваканью лягушки. Что касается корневой морфемы звукоизобразительного *бакъа*, то, если она является гомогенной с глаголом *бакъыр*, как указывалось ранее, её надо возводить к исходной форме *бар-*, а форму *бак* рассматривать как позднее образование, в котором выпал вибрант *p*. В противном случае *p* в звукоизобразительной основе необходимо рассматривать как результат метатезы с *k* в глаголе *бакыр*.

Арслан (лев). В современных тюркских языках: алт., кумык., ног., тат., туркм. *арслан*; башк., к.-калп. *арыслан*; казах., кирг. *арыстан*; аз., гаг., тур., балк. *аслан*; тув. *арыслан*; узб. *арслон*; чув. *араслан*; чув. (диал.) *услан*. Ср.: монг., маньчж. *арслан*. В.Вербицкий делит слово *арслан* на две части *арсыл* (дикий, свирепый, лютый) и *ан* (зверь) [4, с. 26]. По мнению А.М.Щербака, *arслан* образовано от *arsyl* – форма интенсива от прилагательного *ar* (каштановый) и *an* (зверь) [18, с. 137]. Более основательной как фонетическом, так и в семантическом отношении является этимология, предложенная Г.И.Рамstedтом и Э.В.Севортьяном, рассматривающих данное слово как сложное образование, состоящее из *арс* подражательного слова со значением рычать, лаять и аффикса – *лан*. Ср.: в каз., кирг., к.-калп. *арсылда-* рычать, лаять, гавкать.

У многих тюркоязычных народов как в прошлом, так и в наши дни широко распространено имя, которое как и у западноевропейских народов, даёт сыновьям и символизирует храбрость, смелость, мужество, отвагу: ср. кр.тат. *Руслан*, *Арсен*; каз. *Арыстан*, *Арыстанбек*, туркм. *Арслан*, кирг. *Арстан* и т.д.

Къаплан (тигр). Встречается в ряде тюркских языков: казах. *Қабылан*; башк., ног., тат. *каплан*, кумык. *къаплан*; узб. *коплан*; к.-калп. *кабан*; кирг. *кабылан*; туркм. *гаплан*. В некоторых из этих языков данное слово может иметь значения барс, пантера, леопард. В значении тигр *каплан* встречается и в древнетюркских памятниках [9, с. 47]. Морфологическая структура слова *къаплан* аналогична структуре слова *арслан* и состоит из звукоизобразительного *къап* – хватать, кусать и аффикса – *лан*.

Чегертки (кузнечик). А.Н.Кононов предполагает, что в основе наименования лежит подражательное слово; ср. тур. *чекирге* (саранча) от *чекир-чекир* подр. треску, стуку [10, с. 121]. На материале туркменского языка его поддерживает М.Худайкулиев, который туркм. *чекиртге* (саранча, кузнечик) возводит к звукоизобразительной основе [17, с. 79, 80]. В казахском языке *шегиртке*. В крымскотатарском языке кроме слова *чегертки* используются *чыр-чыр мазин* (кузнечик), *чырчырна* (степной сверчок), *чырлакь* (сверчок) от подражания звуку *чыр-чыр* (стрекот).

Рассмотрев зоотонимы и орнитонимы в крымскотатарском языке, мы пришли к выводу, что названия некоторых птиц и животных имеют звукоподражательное происхождение.

Источники и литература

1. Абаев В.И. Историко – этимологический словарь осетинского языка. – Т.1. – С.506; Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. 1976. – Т.2. – С. 404, 407; Санжеев Г.Д. Маньчжуро – монгольские языковые параллели. Ч.1 // Известия АН СССР.1930. – № 9. – С. 679; Егоров В.Г. Этимологический словарь чувашского языка. Чебоксары, 1964. – С. 115; Петров Л.П. К этимологии чувашских орнитонимов. III // Этимологические исследования по чувашскому языку. – Чебоксары, 1984. – С. 63–64; и др.
2. Базарова Д.Х. К этимологии некоторых древнетюркских названий птиц // Советская тюркология. 1975. – № 4. – С.18,19,20.
3. Базарова Д.Х. История формирования и развития зоологической терминологии узбекского языка. – Т., 1978. – С. 49.
4. Вербицкий В. Словарь алтайского, аладагского наречий. – Казань, 1884. – С. 26.
5. Воронин С.В. Основы фоносемантики. – Л., 1982. – С. 22, 45; и др.
6. Гинатулин М.М. Мотивация некоторых тюркских названий птиц. – С. 41,42.
7. Дмитриева Л.В. Этюды по тюркскому словообразованию // Советская тюркология. – 1977. – № 3. – С. 66.
8. Егоров В.Г. Этимологический словарь чувашского языка. – С. 282, 239.
9. Ибрагимов К. Некоторые древнетюркские названия диких животных в современных тюркских языках // Советская тюркология. – 1977. – № 1. – С. 47.
10. Кононов А.Н. Грамматика современного турецкого литературного языка. – М.; Л., 1956. – С. 121.
11. Лейбниц Г.В. Новые опыты о человеческом разуме. – М, 1936.
12. Меметов А. М. Лексикология крымскотатарского языка. Уч. Пособие. – Симферополь: Крымучпедгиз, 2000. – С. 69.
13. Мусаев К.М. Лексикология тюркских языков. – М., 1984. – С. 92.

14. Петров Л.П. К этимологии чувашских орнитонимов. – Ч. 1 // Исследования по лексикологии и фразеологии чувашского языка. – Чебоксары, 1982. – С. 61,70, 71.
15. Сетаров Д.С. Тюркизмы в русских названиях птиц // Советская тюркология. – 1970. – № 2. – С. 74.
16. Степанов Ю.С. Основы общего языкознания. 2-е изд. – М. «Просвещение», 1975.
17. Худайкулиев М. Подражательные слова в туркменском языке. – С.79, 80,83.
18. Щербак А.М. Названия домашних и диких животных в тюркских языках // Историческое развитие лексики тюркских языков. – М., 1961. – С. 137.
19. Ramstedt G.J. Kalmückisches Wörterbuch. – Helsinki, 1935. – S. 411.
20. Räsänen M. Versuch eines etymologischen Wörterbuchs der Türkisprachen. – Helsinki, 1969. – S. 316.

Аппазова З.Т.

ГРАММАТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА АНТОНИМОВ В СОВРЕМЕННОМ КРЫМСКОТАТАРСКОМ ЯЗЫКЕ

Основные лексические категории крымскотатарского языка: омонимия, синонимия, антонимия, полисемия – исследованы фрагментарно [2], [4], [5], [6], [8], [9]. Проблемы омонимии рассмотрены в научной работе [7]. Сказанное выше определяет актуальность настоящей работы.

Цель статьи – дать грамматическую характеристику антонимов в крымскотатарском языке. Она достигается решением следующих задач: дать обзор литературы вопроса; выделить части речи, не формирующие антонимические пары; разработать частеречную классификацию однокорневых и разнокорневых антонимов, выраженных прилагательными, наречиями, существительными и глаголами.

Антонимы (от греч. *anti* – против + *onoma* – имя) – слова с противоположными, но соотносительными значениями, то есть относящиеся к одной части речи [11, с. 37]. Например: *керчек* ‘правда’ – *ялан* ‘ложь’, *кенъ* ‘широкий’ – *тар* ‘узкий’, *дост* ‘друг’ – *душман* ‘враг’, *севги* ‘любовь’ – *нефрет* ‘ненависть’, *тёпеден* ‘сверху’ – *ашадан* ‘снизу’, *киймек* ‘одевать’ – *чыкъармакъ* ‘снимать’, *ачмакъ* ‘открывать’ – *япмакъ*^{1*} ‘закрывать’, *якъылашмакъ* ‘приближаться’ – *узакълашмакъ* ‘отдаляться’ и др.

Явление антонимии рассмотрены в работах крымскотатарских ученых. В работах [2], [3, с. 39–40] рассматривается вопрос об отнесении однокорневых

слов к антонимам; даются сведения о полных и неполных антонимах, а также

В учебном пособии [1, с. 51–52] выделяются части речи, вступающие в антонимические отношения: существительные, прилагательные, местоимения, наречия, глаголы. Выделены однокорневые и разнокорневые антонимы, части речи, не имеющие антонимические пары и др. Виды антонимов и сферы их использования в крымскотатарском языке указаны в словаре [10, с. 16]. В учебнике [8, с. 117–122] даны примеры антонимии, выраженной разными частями речи; в зависимости от их значения выделены три группы антонимов; указаны части речи, не вступающие в антонимические отношения; показано образование слов с противоположными значениями; выявлена связь антонимов и многозначных слов и определены антонимы в речи.

В крымскотатарском языке, как и в других языках, антонимы бывают однокорневые (грамматические) и разнокорневые (лексические), выраженные различными частями речи: прилагательными, существительными, наречиями и глаголами. По мнению исследователей, контраст содержания в разнокорневых антонимах выражен сильнее, нежели в однокорневых. В крымскотатарском языке идея контраста, как и в других языках, чаще выражается в сфере качественных прилагательных и наречий, реже – в сфере существительных с качественным значением и глаголов. Ниже предложена классификация антонимов по убыванию их частотности в разных частеречных разрядах.

Адъективные антонимы:

В современном крымскотатарском языке антонимические пары, выраженные прилагательными, представлены следующими словообразовательными типами:

1) непроизводное – непроизводное: прилагательное – прилагательное: *джесюр* ‘храбрый’ – *къоркъакъ* ‘пугливый’, *токъ* ‘сытый’ – *ач* ‘голодный’, *дюльбер* ‘красивый’ – *чиркин* ‘некрасивый’, *юксек* ‘высокий’ – *алчакъ* ‘низкий’, *меджбур* ‘вынужденный’ – *сербест* ‘свободный’, *къуру* ‘сухой’ – *сылак* ‘мокрый’, *сыкъ* ‘частый’ – *сийрек* ‘редкий’, *къалын* ‘толстый’ – *индже* ‘тонкий’, *терен* ‘глубокий’ – *сай* ‘мелкий’, *кескин* ‘острый’ – *токъал* ‘тупой’, *паалы* ‘дорогой’ – *уджюз* ‘дешевый’ и др.

Так как в современном крымскотатарском языке имена прилагательные образуются и при помощи присоединения аффиксов к другим частям речи, можно выделить следующие типы антонимов:

2) непроизводное – производное: прилагательное – прилагательное:

прилаг. – суф. + суф. (-лы, -ли, -лу, -лю):

тынч ‘тихий’ – *шаматалы* ‘шумный’, *телиз* ‘чистый’ – *кирли* ‘грязный’, *шенъ* ‘веселый’ – *кедерли* ‘грустный’, *айны* ‘одинаковый’ – *фаркълы* ‘разный’, *бекяр* ‘холостой’ – *эвли* ‘женатый’, *серт* ‘грубый’ – *незакетли* ‘вежливый’, *фукъаре* ‘бедный’ – *серветли* ‘богатый’, *джиддий* ‘серьезный’ – *шакъалы* ‘шуточный’, *зайфы* ‘слабый’ – *кучьлю* ‘сильный’ и др;

прилаг. – суф. + суф. (-сыз, -сиз, -суз, -сюз): *тири* ‘живой’ – *джансыз*

‘неживой’, *джесюр* ‘смелый’ – *юркесиз* ‘трусливый’, *тынч* ‘спокойный’ – *раатсыз* ‘беспокойный’, *дюльбер* ‘красивый’ – *корюмсиз* ‘непривлекательный’, *месут* ‘счастливый’ – *талиисиз* ‘несчастный’ и др.;

прилаг. – основа глаг. + суф. (-гъын, -къын, -аин, -кин, -гъун, -къун, -аюн, -кюн): *садыкъ* ‘верный’ – *саткъын*

¹ – Звездочкой отмечены лексемы с производными значениями, краткие сведения о контекстуальных антонимах; определяется морфологическая структура антонимов; предлагается их семантическая классификация и др.